

Приключения Тома Бомбадила

@ Перевод И. Забелиной, 1987.

В Алую Книгу включено много стихов. Некоторые из них вошли в эпопею «Властелин Колец» или в связанные с нею повести и хроники, но гораздо большее число стихотворений было найдено на разрозненных листках, а кое-что — в записях на полях и пустых страницах. Значительная часть этих набросков представляет собой обыкновеннейшую чепуху, часто неудобочитаемую (даже в тех случаях, когда почерк сам по себе читается легко), или ни с чем не связанные фрагменты. Из таких вот записок на полях и извлечены вирши 1, 12 и 14, хотя лучше всего их характер передают каракули, найденные на странице со строками Бильбо «Когда сквозь муть осенних слёз...»:

*Под ветром флюгер-петушок
Никак не может хвост поднять.
Дрожит продрогший петушок:
Никак улитки не поднять.
— Жить тяжко! — флюгер признаёт.
— напрасно всё! — петух поёт.
Так стали хором вслух пенять.*

Настоящая подборка составлена из старейших отрывков, в основном касающихся легенд и шуток Графства конца Третьей Эпохи, которые, вероятнее всего, были написаны хоббитами, а именно, Бильбо и его друзьями или их прямыми потомками. Авторство, однако, указывалось редко, поскольку отрывки эти, не входящие в эпопею, прошли через многие руки и записаны, скорее всего, со слов.

В Алой Книге говорится, что номер 6 — сочинение Бильбо, а номер 8 — Сэма Скромби. Инициалами С.С. помечен и номер 9, что следует признать правильным; номер 11 также помечен С.С., хотя в данном случае Сэм, скорее всего, просто слегка переделал старый стих из забавного бестиария, весьма популярного среди хоббитов, ибо во «Властелине Колец» сам же Сэм ясно говорит, что стихотворение это относится к широко распространённым преданиям Графства.

Стихотворение номер 4 принадлежит к другому роду произведений, которые очень забавляли хоббитов: сказка или песня, которая, возвращаясь в конце к своему началу, могла повторяться до бесконечности, пока слушателям не надоест. Отдельные образчики подобного рода записаны в Алой Книге, однако большинство их весьма примитивно и необработанно. Номер 4 длиннее и завершеннее прочих. Он, вне всякого сомнения, написан Бильбо. На авторство указывает совершенно очевидная связь стихотворения с длинной поэмой, которую Бильбо продекламировал в качестве собственного сочинения в доме Элронда. Раздольская версия «вздорных вирш» была им значительно трансформирована и приспособлена (правда, довольно нелепо) к легендам высших эльфов и нуменорцев об Эрендиле. Бильбо очень гордился и этой версией, и оригиналом, поскольку размер их, похоже, придумал сам. Приведённое в этом сборнике более раннее произведение относится, по-видимому, к тому времени, когда Бильбо только что вернулся из своего путешествия. Хотя в нём и заметно влияние эльфийских преданий, оно едва сказывается, да и использованные в стихотворении имена (Деррилин, Белмаризель, Телламин, Фантазиэль) совершенно не эльфийские, а лишь придуманы в эльфийском стиле.

В прочих стихах заметно влияние событий конца Третьей Эпохи и расширение горизонтов Графства благодаря контактам с Раздолом и Гондором. Стихотворение номер 7, помещённое непосредственно за песенкой Бильбо о Лунном Деде, и последнее, номер 16, восходят к гондорским источникам. Они явно отражают обычаи людей, живущих на побережье и привычных к рекам, к которым впадают в море. Так, в номере 7 содержится упоминание о Дивногорье (известный «ветрам всем открытый залив»)

И о колоколе приморской крепости Тирит Аэор в Дол Амроте. В номере 16 говорится о «семи быстрых реках»¹, что текут к морю в Южном Королевстве, и названо имя, данное на высоком языке Гондора — Фириэль, «смертная женщина»². В Дол Амроте и на Прибрежье сохранились многие

¹ Лефнуй, Мортонд-Кирилл-Рингло, Гилрейн-Сернуй и Андуин.

² Имя это принадлежало принцессе Гондора, которая вела свою родословную, согласно утверждению Арагорна, по южной линии. Так же звали дочь Эланор, внучку Сэма, хотя имя её, скорее всего, взято именно из этой песни. Появиться в Западном Уделе оно не могло.

обычаи древнейших их обитателей, эльфов, а из гавани в устье Мортонда «западные корабли» уплывали всю Вторую Эпоху до самого падения Эрегиона. Таким образом, оба стихотворения являются лишь переделками южных источников, хотя Бильбо мог услышать последние и в Раздole. Номер 1 также связан с преданиями Раздola, эльфийскими и нуменорскими, о героических днях конца Первой Эпохи. Пожалуй, в нём нашла отражение нуменорская легенда о Турине и гноме Миме.

А вот номера 2 и 3 явно родились в Забрeндии: в них много сведений и об этом крае, и о чащобах леса, и о долине Ветлянки³. Ни один хоббит к западу от Грибных угодий не знает столько. Стихотворения свидетельствуют также, что забрендийцы были знакомы с Томом Бомба дилом⁴, хотя, без сомнения, столь же мало подозревали о его могуществе, как население Графства — о могуществе Гэндальфа. И тот и другой рассматривались хоббитами как доброжелательные личности, быть может, несколько таинственные и непредсказуемые, но не в последней степени и забавные. Номер 2 — более раннее произведение, составленное из различных хоббитанских легенд о Бомбадиле. Сходные предания использованы и в номере 3, хотя доброжелательное подшучивание Тома над его знакомцами обратилось здесь в едкие насмешки, не без юмора, но с оттенком угрозы. Этот стих сочинён, вероятно, много позднее, уже после появления Фродо и его спутников в жилище Бомбадила.

Собственно хоббичьи стихотворения, здесь представленные, обладают двумя главными общими чертами: пристрастием к иноземным словечкам и к ритмическим или рифмовым сложностям. При всём своём простодушии хоббиты явно уважают такие вещи, как добродетель и любезность, хотя качества эти — в основном лишь подражание учтивости эльфов. Данные стихи также, по крайней мере, на первый взгляд, легкомысленны и фривольны, но при чтении временами возникает неловкое ощущение, что подразумевается в них больше, чем высказывается. Исключение составляет номер 15, явно хоббитского происхождения. Это наиболее позднее произведение, относящееся к Четвёртой Эпохе, включено, тем не менее, в сборник, ибо чья-то рука накарябала в конце «сон Фродо» — весьма любопытная отметка. Она указывает, что стихотворение (вне всякого сомнения, сам Фродо его не сочинял) ассоциируется с тёмными, тягостными видениями, посещавшими Фродо в марте и октябре в течение последних трёх лет. Но оно созвучно и другим преданиям о хоббитах, заражённых «безумием странствий», которые, если когда-либо и возвращались, чувствовали себя на родине неловко и неудобно. Море всегда и всюду присутствует на заднем плане в любых хоббитских сочинениях, но в Графстве Третьей Эпохи преобладали страх перед ним и недоверие ко всем эльфийским легендам, и настрой этот не вполне исчез после событий и перемен, завершивших Эпоху.

³ Загородка — небольшая гавань на северном берегу Ветлянки за Городьбою, которая хорошо охраняется и защищена «загородью» — изгородью из кольев в воде. Брередон («Вересковый холм» на всеобщем языке) — небольшая деревушка на кособоре за гаванью, что лежит в узком языке между Сенной и Брендидуином. Близ Схода, притока Ивлянки, был причал, от которого просёлочная дорога бежала к Глубокопному и далее к тракту на Неторное перепутье, что шёл через Камышное и Склады.

⁴ Возможно, именно они-то и дали ему это имя (оно по форме забрендийское) в дополнение ко всем его более древним прозвищам.

1

Клад

Из блеска первой луны, из юного солнца лучей
Боги создали клад песней волшебной своей.
И серебро заблестало в травах просторов степных,
И золото наполнило воды бурных потоков седых.
Прежде, чем гном проснулся, дракон расправил крыло,
Или земля обнажила огненное нутро,
Прежде, чем вырыли ямы, в глубоких долинах лесных
Жили древние эльфы, хранители тайн колдовских,
И дивные вещи творили, и нет их в мире ценней,
И пели, когда создавали короны своих королей.
Давно те песни замолкли, свершился суровый рок:
Цепи их заглушили, пресёк их стальной клинок.
Алчности в тёмных чертогах чужды песни и смех,
Трясётся она над богатством, что копит в тайне от всех,
Валит изделия в груды из золота и серебра;
Тем временем эльфов обитель стала пуста и темна.

В гулкой чёрной пещере жил старый-престарый гном.
Весь век просидел под горою над золотом и серебром.
С молотом и наковальней расстался он только тогда,
Когда от вечной работы высохла в кость рука.
Чеканил одни лишь монеты и звенья богатых цепей,
Надеясь, что купит этим могущество королей.
Но слух его притупился, и зрение он стал терять,
И скоро гному осталось лишь камни перебирать.
Губы его посерели, но всё же в улыбку ползли,
Когда меж скрюченных пальцев алмазы на пол текли.
За стуком их не расслышал тяжёлой поступи он,
Когда у реки приземлился юный свирепый дракон:
Огнём дохнул сквозь ворота, от сырости стылой ярясь,
И кости гнома упали пеплом в горячую грязь.

Под голой серой скалою жил старый-престарый дракон.
Сверкая от скуки глазами, лежал в одиночестве он.
Юность давно умчалась, и пыл свирепый остыл.
Сморщенный и шишковатый ящер в изгибе застыл
Над грудой сокровищ, направив к ним думы, и зрение, и слух;
За многие, долгие годы огонь в его сердце притух.
В скользкое брюхо вдавились алмазы бесценной бронёй,
Запах монет вдыхал он и блеск освежал их слюной.
Все ценности, что хранились под сенью обширных крыл,
Помнил он с первой минуты и ничего не забыл.

На жёстком ложе вздыхая, дракон о ворах помышлял
И в снах своих беспокойных нещадно их истреблял:
Тёплое мясо глотал он и кровь горячую пил...
Довольный сквозь дрему собою, уши змей опустил.
Звон кольчуги раздался, но дракон не слышал,
Как юный отважный воин вызов на битву кидал.
Зубы — кинжалы у змея, а шкура тверда, как рог,
Но полыхнул в подземелье яркий заветный клинок.

Вскинулся ящер, и тут же свистнул жестокий удар,
Тело рассёк и мгновенно век старика оборвал.

Сидел на высоком троне старый-престарый король,
Грел бородою колени, суставов лелеял боль.
Ни песни, ни вина, ни яства его развлечь не могли:
К тайному подземелью мысли его текли,
Где в сундуке огромном под низким сводом лежат
Золото и алмазы, с бою добытый клад.
Дверь того подземелья засов железный держал,
Проход к той двери тяжёлой один лишь владыка знал.
Слава его угасала, и суд несправедлив был,
Мечи его приближённых долгий покой затупил.
Замок пустеет, ветшает, запущен дворцовый сад,
Зато под рукой королевской хранится эльфийский клад.
Не слышал рогов он раскаты на перевале в горах,
Не чуял запаха крови на смятой траве в степях...
Замок его полыхает, рыцари все полегли.
В холодной глубокой яме свои он окончил дни.

Лежит в глухом подземелье древний-преддревний клад.
За всеми забытой дверью ничей не смущает он взгляд.
К этим угрюмым воротам смертных следы не ведут,
На старых могильных курганах травы забвенья растут.
Мёртвых сон не тревожат трели птиц в вышине.
Дует солёный ветер в холодной небес синеве,
Дует над тёмной горою, где Ночь хранит древний клад,
Пока круг времён завершится, и эльфы вернутся назад.

2

Приключения Тома Бомбадила

Жил-был Том Бомбадил —
Развесёлый малый
В ярко-жёлтых башмаках,
В синей куртке старой
И в зелёном кушаке,
И в чулках из кожи,
В острой шляпе, и перо
Есть на шляпе тоже.
Он на горке поживал,
Где родник Ветлянки
В чащу ручейком сбегал
Прямо по полянке.

Как-то летнею порой
Старый Том, гуляя,
В заливных лугах кружа,
Лютики срывая,
Травкой щекоча шмелей,
Что в цветах гудели,
Засиделся у реки:
Воды так блестели...

Борода висит в воде,
Прямо как на грех.
Золотинка, дочь Реки,
Тут всплыла наверх...
Ловко дёрнула она.
Том в кувшинки — плюх!
Ну барахтаться, хлебать,
Булькать — фух! да ух!

— Эй, Том Бомбадил!
Ты на дно собрался?
Пузырей тут напускал,
Тиной расплескался,
Быстрых рыбок разогнал,
Диких уток тоже,
Шляпу, глянь-ка, утопил,
И перо к тому же!

— Ты достань-ка мне её,
Милая ундина!
Бомбадилу нипочём
Лужица и тина.
А потом на дно ныряй
В омут свой тенистый,
Спи себе там средь корней
Старых ив ветвистых!

Золотинка ускользнула
В дом подводный к маме,
Том остался у реки
В шляпе и кафтане.
Он на солнышке присел:
Отдых Тому нужен,
Чтоб просохли башмаки
И перо к тому же.

Тут проснулся Старец Ива,
Начал песнопенье,
Крепко Тома усыпил
Под ветвистой сенью,
В щель тихонько засосал —
Крак! — нет двери туже.
Том пропал, и башмаки,
И перо к тому же.

— Эй, Том Бомбадил!
О чём размышляешь?
Посидеть в моём нутре
Разве не желаешь?
Щекочи меня пером,
А я воды напьюсь
И капелью на тебя
По трещинам прольюсь!

— Ну-ка, выпускай меня,
Старец Ива, душка!
Корни старые твои,
Право, не подушка!
Пей речную воду всласть,
Набирайся силы,
Сон тебе хочу послать,
Как ундине милой.

Старец Ива задрожал,
Речь ту услышав,—
Вновь на волю старый Том
Вылетел стремглав.
Скрипнув, вмиг сомкнулась щель,
Замерла листва...
По Ветлянке вверх пошёл
Бомбадил тогда.

На опушке посидел,
Где и свет и тень,
Свист и щебет певчих птиц
Слушал целый день.
Бабочки вились над ним,
Солнце опускалось,
Туч угрюмых пелена
В небо поднималась.

Мелкий дождь заморосил
И вдруг хлынул бойко,
Гладь речную замутил,
Пузырей-то сколько!
Том пустился наутёк
Под тугой капелью
И в укромную нору
Спрятался скорее.

Жил в норе Барсук седой,
Чёрные глазищи,
С сыновьями и с женой,
Холм изрыл до днища.
Он за куртку Тома — хватать! —
И скорей в туннели
Поволок, в земную глубь
От передней двери.

В тёмном тайнике своём
Заворчал сердито:
— Ну, Том Бомбадил,
Вот теперь мы квиты!
Ты зачем вломился в дом
Непрошенно-незванно?
Поищи-ка путь наверх!
Будет нам забавно.

— Ну-ка, выводи меня,
Барсук-барсучище!
Землю с лапок отряхни,
Вытри нос почище!
К задней двери проводи
В зарослях терновых,
Сам же спать скорей беги,
Слов не жди суровых!
Золотинка крепко спит,
Старец Ива тоже.
Препираться мне с тобой,
Право, тут негоже!

Испугались барсуки,
Извиняться стали,
Ход удобный к задней двери
Мигом показали.
Сами дрожкою дрожат,
Юркнули в нору,
Глиной стали затыкать
Каждую дыру.

Дождь прошёл, в умытом небе
Лёгкой дымки вязь.
Бомбадил домой пошёл,
В бороду смеясь.

Ставни настежь распахнул,
В комнату войдя.
Мотыльки тотчас порхать
Стали вокруг огня.
А в окошках свой заводят
Звёзды хоровод,
Тонкий месяц с небосвода
Уплывёт вот-вот.

Тьма сгустилась над холмом.
Том свечу берёт,
К двери по скрипучим доскам
С песнею идёт.
Холодом дохнула ночь:
— Слушай, Бомбадил!
Зря ты о Могильном Духе,
Весельчак, забыл!
На свободе я опять,
Из кургана встал,
Где источенных камней
Щерится оскал.
Унесу тебя с собой,
Румянец с щёк сгоню,
В склепе смрадном под землёй
Навек окостеню!

— Прочь! Немедля дверь закрой!
Сгинь в немую тьму!
Слушать твой загробный хохот
Тому ни к чему!
В землю, скрытую травой,
Кости уноси!
Золотинка видит сны,
Спят и барсуки,
Старец Ива задремал,
И тебе спать вскоре.
Клад могильный свой храни
И было горе!

Дух Могильный тут вздохнул,
Тяжко застонал,
И в окошко с воем выплыл,
Тёмной тенью стал,
Прочь помчался над холмом,
Словно филин-тать,
Чтоб в кургане одиноком
Рёбрами стучать.

Бомбадил же лёг в кровать,
По уши укрылся,
Крепче Старца Ивы мигом
В дрёму погрузился,
Носом начал выводить
Звонкие рулады.

Так уютно, сладко спать
Все бы были рады.

На рассвете он вскочил,
Песней солнце встретил.
Сыр-бор, волглый дол
В песне той приветил.
Быстро куртку натянул
И чулки из кожи.
Где же шляпа? Здесь. Перо
Есть на шляпе тоже.

Вот он, Том Бомбадил,
Развесёлый малый,
В ярко-жёлтых башмаках,
В синей куртке старой.
Тома похищать никто
Больше не желает,
По Ветлянке, по холмам,
В чаще он гуляет,
В лодке плавает своей,
Нюхает кувшинки...
Но однажды старый Том
Похитил Золотинку.
В тростниках ундина пела
Матери напевы,
Кудри пышною волною
Стан скрывали девы.

Крепко обнял Том её.
Ну, переполох!
Врассыпную удирают
Выдры, как горох,
Цапли в крик, тростник трепещет,
Дева вся дрожит...
— Душенька, пойдёшь со мной! —
Том ей говорит.
— Стол накрыт: там жёлтый мёд,
Белый хлеб и масло,
В окнах розы и жасмин,
Значит, всё прекрасно.
Позабудь родных озёр
Мокрые цветы,
Здесь любви тебе не встретить
И не обрести!

Свадьбу весело и споро
Бомбадил сыграл:
Пел, свистел, играл на скрипке.
Шляпу, кстати, снял.
В праздничный венок он вплёл
Жёлтые кувшинки.
Было искристо-зелёным
Платье Золотинки,

Ирисы и незабудки
В волосах синели.
Бомбадил с невестой милой
Рядышком сидели.

Ламп уютен жёлтый свет,
А постель бела.
Золотистая, как мёд,
Выплыла луна.
На лужайке под холмом
Пляшут барсуки,
Старец Ива тянет к окнам
Веточки свои.
Тихо в сонных тростниках
Мать-Река вздыхает,
Слушая, как Дух Могильный
Стонет и рыдает.

Бомбадилу нипочём
Все ночные звуки:
Трески, вздохи, шепоток,
Шорохи и стуки.
На рассвете он вскочил,
Песней солнце встретил,
Сыр-бор, волглый дол
В песне той приветил.
На пороге он сидит,
Хлопает лозинкой.
Рядом кудри золотые
Чешет Золотинка.

3

Лодочная прогулка Бомбадила

Начал старый год желтеть,
Запад ветер шлёт,
Листьев бука видит Том
Медленный полёт.
— Что ж, пусть ветер гонит прочь
Летние деньки.
Том не будет ждать тепла,
Сидя у реки!
Лучше лодку починю:
Пусть она плывёт
По Ветлянке вниз, а там —
Как уж повезёт!

Птичка села на сучок:
— Слышу, слышу, Том!
Знаю, знаю, что тебя
Манит, гонит вон!
Полечу и просвищу.
Пусть встречает он!

— Цыц, болтушка! Вмиг тебя
Ощиплю и съем,
Чтоб секреты ты мои
Не носила всем.
Если скажешь Старцу Иве,
Куда Том плывёт,
То зажарю на лозинке.
Вот что тебя ждёт!

Иволга, потрянув хвостом,
С ветки: — Фьюти-чу!
Излови и жарь потом!
А я улечу!
Кому надо на ушко
Вестку прошепчу:
«К Сходу вечером спустись,
Не ложись в кровать!
Торопись! Торопись!
Время пировать!»

Улыбнулся старый Том:
— Мысль-то неплоха!
Тот иль этот выбрать путь?
Поплыву туда!
Лодку быстро залатав,
Вёсла он поставил,
Из укромной бухты в реку
Нос её направил.
В камышах нашёл дорогу,
В гуще ивняка,
Где, чуть выше, с суши в воду
Клонится ольха.

По теченью Том поплыл
С песней: «Тилли-велли!
Ну, Ветлянка, обходи
Омуты и мели!»

— Эй, Том Бомбадил,
Куда уплываешь?
Ты про что в своей лодчонке
Песни распеваешь?

— Может быть, в Брендидуин
Вынесет Ветлянка.
Там друзья у камелька
Близ Сенной полянки.
Добрый маленький народ
Бед лихих не знает.
Временами Бомбадил
В гости заезжает.

— Передай привет родным,
Вести привези!
Кстати, не забудь узнать,
Где лучше караси!

— Вот ещё! — смеётся Том.
— Ишь какой хитрец!
Я сейчас гребец, зевака,
Только не гонец!

— Ах, ты так, нахальный Том?!
Плавает, скажи-и-те!
На корягу чтоб наткнулся
Ты в своём корыте!

— Ну-ка, придержи язык,
Голубой Удод!
Важничает тут на ветке,
Прямо знатный лорд!
Рыбьей косточкой пригладь
Алый галстук свой,
После в грязное гнездовье
Улетай домой!
Видел я, как раз удода
Раздевали галки:
Живо перья ободрали,
И конец рыбалке!

Клюв захлопнул вмиг Удод
И глаза прикрыл.
Тут проплыл под самой веткой
В лодке Бомбадил.
Живо в небо взмыл разбойник:
Фр-р! — и нет его,

Только в спешке обронил
Синее перо.
Том поймал его, подумал,
К шляпе прикрепил:
Старое поизносилось!
Цвет же очень мил.

Забурлила вдруг вода,
Круги бегут везде.
Том весло взметнул и — шмяк! —
Чью-то тень в воде.

— Фух! Том Бомбадил!
Здрасте, добрый вечер.
В лодке, чай? Ну, окуну
За такую встречу!

— Ты кому грозишь, усач?
Я ж верхом вскочу,
Крепкой хваткой на спине
Шкурку-то спущу!

— Фу, Том Бомбадил!
Мигом уплыву,
Маме, папе, сёстрам, братьям
Новость прореву:
«Том совсем с ума сошёл!
Надо ж, по Ветлянке
Выгребает, ноги врозь,
В старенькой лоханке!»

— Я Умертвию тогда
Запах выдры дам!
В кольцах жёлтых посидишь
Год-другой, а там
Мама сына не узнает
Даже по усам.
Молод Тома задирать ты!
Хныкать будешь сам.

— Вух! — профыркал недопёсок,
Мордою мотнул,
С громким всплеском под кормою
Ловко пронырнул.
Брызги Тома окатили,
Лодка заплясала...
Прятался усач, пока
Песня затихала.

Остров Эльфа миновал Том,
Глядь — за ним плывёт
Лебедь гордый, хмуро смотрит
Клёкот издаёт.

Том смеётся: «Старый ковш!
Что, пера не видишь?
Поистёрлось! Дай другое!
Тома не обидишь!
Длинношей! Ишь, фырчит,
Словно в горле ком!
Научись речам учтивым,
Песни пой потом!
Коль воротится король,
Твой надменный вид
Он в пруду своём клеймом
Мигом усмирит!»

Лебедь громко зашипел,
Крылья распустил,
Начал лодку догонять...
Только Том уплыл!

А Ветлянка унесла
К устью Бомбадила.
У порога там она
Пеной забурлила.
В брызгах бешеной реки
Лодка, словно пробка,
До причала донеслась
Прямо к Загородке.

— Эй, гляди! Том Лесовик —
Борода лопатой
К Брередону, братцы, мчит!
Все сюда, ребята!
Берегись! Лесных гостей
Мы не привечаем,
Нарушителей границы
Стрелами встречаем!
Переплыть Брендидуин
Здесь никто не смеет!

— Фу, обжоры, Бомбадил
Просто вас жалеет!
Помню, стоило козе
Рядом показаться,
Хоббиты вмиг принимались
В землю зарываться.
Прячетесь, коль тень свою
Ночью углядите.
Орков вот на вас нашлю —
Мигом убежите!

— Ладно, Лесовик, болтай,
Раз не из пугливых:
В шляпе старенькой твоей
Три стрелы красивых!
В Брередон-то ты зачем?

Коли за пивком —
Бочки наши глубоки,
Ляжешь под столом!

— Нет, в Ивлянку думал я
К вечеру попасть,
Да стремнина тут такая —
Как бы не пропасть!
Если ялик мне дадите,
Вас благословлю,
Много дней счастливых, тихих
Хоббитам пошлю!

Алым вспыхнула вода,
Тёмной притворилась,
Как за Западным Уделом
Солнце закатилось.
Схода лесенка пуста,
Пристань в дымке тает...
Том бурчит: «Ну и дела!
Весело встречают!»

В темноте по тракту он
Долго пробирался.
В Камышном свет замелькал,
Скрип колёс раздался.
«Кто тут?!» — оклик слышит Том,
Да ухом не ведёт.
Пони стали, ну а он
Знай себе бредёт.

— Гей там! Ты зачем, чужак,
Шляешься без спросу?
Уж давненько к нам бродяги
Не казали носу!
Стрелы в шляпе,— знать тебя
Кто-то уж застиг
На участке. Подь сюда!
Что тебе, старик?
Коль задумал нашим пивом
Поживиться задарма,
Двери будут на запоре,
Не получишь и глотка!

— Тихо, тихо, шерстопапый!
Худо ты встречаешь.
Обленился! В нужный час
Выйти забываешь!
Ах ты, старый толстый плут!
На ходу пыхтит,
Так с повозки (ну, мешок!)
Встречным всем хамит!
Ой, смотри! В чужие дали
Песней уведу!

Впрочем, нищий неразборчив:
Стерпит и балду!
Ладно, чудик, руку дай.
Кружка за тобой!
Друга в сумерках узнать
Мог бы, милый мой!

Из харчевни вкусный, сытный
Запах наплывает,
Но Бирюк свою повозку
Мимо направляет.
По просёлочной дороге
С грохотом промчался;
Бомбадил в его тележке
Прыгал и качался.

Звёзды на небе сияют,
В кухне лампа светит,
Чтоб ночной скиталец сразу
Мог её заметить.
Все домашние отца
У дверей встречают:
Кланяются сыновья,
Дочки приседают.
Жена кружки подаёт,
Гостя вводят в дом...
Дальше ужин, много песен,
Шуток, а потом
Танцы просто до упаду.
Скачет сам Бирюк!
В смех жена, а Том за трубку,
Дочки пряжу ткут.

Поздно спать все разошлись
По лавкам и кроватям.
Том, Бирюк сидят вдвоём:
Долго толковать им
О холмах и старых башнях,
Скалах и пригорках,
Хлебных всходах, ячмене,
Севе и уборках,
О кузнечном ремесле,
Ценах и помолах,
И о пригорянских сплетнях,
Случаях весёлых,
Шорохе ночной листвы,
Ветре в соснах длинных,
Гордых Стражах у Реки,
О тенях трясиновых.

Наконец Бирюк заснул;
Спит огонь, спит дом.
А наутро Том исчез,
Как невнятный сон,

Грустный и смешной, к тому ж
С неким смыслом тайным.
Ливень смыл его следы,
Быстрый дождь случайный.
У Схода не был Бомбадил,
На Сенной полянке
Не являлся, песен звук
Не нёсся по Ивлианке.

Три дня у пристани одна
Его лодчонка мокла,
А как-то на заре её
Свели от Загородки.
Видали хоббиты: с утра
Там выдры суетились,
Разгрызли фалинь, а потом
К Ветлянке удалились.
Остров Эльфа показался,
Лебедь тут как тут:
В клюв бечёвку взял, а лапы
Знай себе гребут.
Гордо лодку поволок он,
Выдры плыли рядом,
Старца Иву не тревожа
Ни волной, ни взглядом.
Голубой Удод уселся
Важно на носу,
Иволга с кормы свистела
«Фьюти-т्यूти-тю!»

В бухту Тома дотащили
Весело лодчонку.
— Рыбка-то — без плавников! —
Усач заметил тонко.

Вот тебе и тили-велли!
Позабыли вёсла!
Ох, нескоро от причала
Старый Том унёс их!

Жил бродяга-весельчак,
Он гонец и он моряк.
В новой лодке как-то раз
Апельсин себе припас,
Взял овсянку также он,
Майоран и кардамон,
Лодку всю раззолотил
И лавандой надушил.

Ветры странствий он позвал
И наказ им крепкий дал
За семнадцать рек нести,
Лодку к цели привести.
Берег он достиг один,
Где клокочет Деррилин.
Скалы, что поток несут,
Счёт лет к вечности ведут.
По траве лугов пришёл
В тень, где мрачный косогор
В горы вёл, и по горам
Он блуждал то там, то сям.

Сел на камень и запел,
Что остался не у дел.
Бабочка летела мимо.
Он назвал её красивой,
Попросил развеять грусть,—
Отказала. Ну и пусть!
Стал он магию учить,
Как ковать, как ткать и шить.

Чтобы бабочку поймать,
Дымку-ткань сумел соткать,
Жучьи крылья сшил из кожи,
Ласточкины сделал тоже.
Он догнал её, смутил,
В паутинку изловил,
Лилии цветок сорвал,
Из него шатёр создал.
На кровать им дал цветов
Молодой чертополох.
Платье свадебное было
Ослепительно красиво.

Самоцветные каменья
Он низал ей в ожерелье...
Но шалунья прихотлива,
Легкомысленна, сварлива.
От домашних громких ссор,
Грустный, в горы он ушёл,
Всё обдумал, встрепенулся,
Улетел и не вернулся.

Он на ласточкиных крыльях
Много островов обильных
С ноготками, с родниками
Пролетел — и до свиданья!

За море в Белмариэль,
Телламин, Фантазиэль
Он уплыл, чтоб воевать
И набеги совершать.
Белый шлем и алый щит,
Изумрудный меч блестит
Яркой молнией в глазах
Всем соперникам на страх.
С эльфами волшебных стран
Рыцарей он побеждал,
С пылкой яростью в очах
Звавших биться на мечах.

Панцирь был из хрусталя,
Ножны же из серебра,
А копье из эбонита,
Стрелы все из малахита.
Он стрекоз всех покорил,
Парадиз освободил.

После бился с рогачами,
Пчёлами и усачами,
Ценный приз завоевал:
Золотые Соты взял.
На кораблике-листочке
Под навесом из цветочка
Песнь победы распевал
И доспехи начищал.

Одинокий островок
Чем-то вдруг его привлёк.
Там была лишь тишина
И цветущая трава.
Побродив совсем немного,
Он отправился в дорогу
И вернулся наконец в дом свой,
Мешкотный гонец.
Только странствуя, любив,
Массу подвигов свершив
Из последних самых сил,
Он забыл, зачем ходил!
И пришлось бедняге снова
Выводить свою гондолу...
Он же просто весельчак,
Вечный путник и моряк.

5

Принцесса Ми

Милее, чем Ми,
Принцесс не найти,
И эльфы пели о ней:
Кудри увиты жемчуга нитью,
Но перлов этих светлей
Золотое шитьё тонкой шали её,
Вкруг шейки звёзды блестят.
Светится дальним
Лунным сияньем
Малютки воздушный наряд;
Прозрачной слезой,
Алмазной росой
На поясе камни горят.

Под серым плащом
Скрывается днём,
И тёмен её капюшон.
Но светлую искрой,
Яркой, лучистой,
Ночью сверкает потом.
Туфли малютки
Тонки и хрупки,
Но быстро мелькают они
По озёрному льду:
На зеркальном полу
Танцует принцесса Ми.
То плавно кружит,
То словно летит,
И звон хрустальный идёт,
Когда её ножка
Помедлив немножко,
Встречает прозрачный лёд.
Ночной небосвод
Над бездною вод,
И тёмны вокруг берега.
В танце кружа,
Нагнулась она:
Под нею легка и мила
Кружится Ви,
Прелестна, как Ми,
И смотрит ей прямо в глаза.

Одета, как Ми,
Прекрасная Ви,
Но чудо — плывёт она
Вниз головой
Под тёмной водой,
И нет у колодца дна.
А Ви дивится:
Как может случиться,
Что Ми без поддержки плывёт

Вниз головой
Над тёмной водой,
Там, где звёзд хоровод?

О! Как же тут быть?
В небо уплыть
Не может никто из них.
На звонком льду,
Зеркальном полу
Смыкаются туфельки их.
Но нет той земли,
Где бы могли
Вместе быть Ви и Ми.

И вот, как всегда,
Принцесса одна,
И пляшет, как прежде, она:
В древнем обряде
С блеском во взгляде,
В лунном наряде
Искоркой кружится Ми.
В лунном наряде,
С блеском во взгляде
В древнем обряде
Искоркой кружится Ви.

6

Как Лунный Дед засиделся

Там, где вверх идёт бугор,
Добрый постоянный двор
Пивом славен на весь свет.
Как-то ночью Лунный Дед
Заглянул на ор.

А у конюха был кот,
С пьяных глаз пиликал тот:
То мурлыкал, то пищал,
То так просто струны драл,
Потешал народ.

У трактирщика был пёс,
Шутки тот любил всерьёз:
Там, где началась потеха,
Просто умирал от смеха,
И на брюхе полз.

И корова там жила,
Гордо голову несла,
Но от музыки дурела,
Как от эля, свирепела
И вприсядку шла.

Украшал воскресный стол
Там серебряный прибор:
Были в нём большие ложки,
К ним под пару также плошки
Рядовали взор.

Вдрызг напился Лунный Дед,
Начал кот урчать,
Ложки-плошки на столе,
Пёс с коровой во дворе
Принялись скакать.

Лунный Дед ещё хлебнул
И отправился под стул:
Хмель свой засыпает,
А меж тем светает,
Ветерок подул.

Конюх тут и говорит:
«Кот, а небо-то горит!
Кони Деда ржут с испуга,
Их упряжка держит туго,
А хозяин спит!»

Кот так громко заиграл,
Что и мёртвый бы тут встал.
Скрипка всё быстрее поёт,

Конюх пьяницу трясёт:
«Дед! Никак проспал!»

Покатили старика по холму,
Зашвырнули второпях на луну,
А коней упряжка вслед побежала,
А корова, как олень, прискакала
И запела прямо в такт: «Му-у-у!»

И ещё быстрее стала скрипка напевать,
Пёс не выдержал и начал подвывать.
Кони на голову встали,
Постояльцы повскакали
И давай плясать!

Струны лопнули со звоном под смычком.
Вверх подпрыгнула корова кувырком
И взлетела легче мошки,
А серебряные ложки
Улеглись в простые плошки!

Укатилась тут луна за бугор,
Солнце кинуло на землю свой взор:
Что такое? Время, вроде, вставать,
Ну а все идут, зевая в кровать?
Засиделся постоялый этот двор!

Как Лунный Дед поторопился

У Лунного Деда опаловым светом
Лучится корона и борода,
Одежды мерцают и жемчуг сверкает
Вкруг вышитого кушака.
Но в сером плаще он угрюмо бродил,
Верь ты мне иль не верь,
И хрустальным ключом наконец отворил
Из кости слоновой дверь.

Вздохнув тихонько, спустился легонько
По лестнице тонкой и кружевной.
Здесь он спокоен и очень доволен
Своей затеей шальной.
К блеску алмазов он вкус потерял
И устал от башни своей,
Сияющей светло средь палевых скал
На голой лунной горе.

Дед всё отдать рад за рубин и гранат
Для бледной короны своей,
За синий сапфир, изумруд и берилл
И искры цветных камней.
Очень скучно к тому же всегда одному
Взирать на мир золотой,
Который, гудя и стирая тьму,
Кружится над головой.

При полной луне, в живом серебре,
Огонь он увидеть мечтал:
Вместо белых лучей бесцветных камней,
Чтоб красным и тёплым сиял,
Багровый и алый, и цвета жара,
И чтобы жгли языки,
И чтобы сверкало, как пламя пожара,
Небо бурной зари.

У Деда есть синь прозрачных глубин,
Цвет дальних лесов и покой...
Грезит он в тишине о людской суете
И крови багряной людской.
Он песен хотел, и смех чтоб звенел,
Горячей еды и вина,
Снежинки глотая и их запивая
Призрачным светом луча.

Мечтая о мясе и пуншевой чаше,
Под ноги Дед не глядел,
И с лестницы скользкой старец неловкий,
Как метеор, полетел.
Падучей звездой в ночи голубой
Сверкнул он, падая вниз,

И угодил, брызнув пеной морской,
В ветрам всем открытый залив.
Боясь раствориться, боясь утонуть,
Он начал вздыхать о луне,
Но тут рыбаки бедолагу нашли
Качающимся на волне,
Закинули невод и быстро на борт
Втянули нежданный улов.
А Лунный Дед светом зелёным мерцал,
И вода текла с рукавов.

Против воли его, опять одного,
С рыбой на берег свезли,
«Ступай, куда надо. Город тут рядом», —
Сказали и в море ушли.
Помочь старику, дела нет никому,
Лишь колокол тренькнул раз,
Отметив, что он тут бродит кругом
В неподобающий час.

Погашен весь свет, и завтрака нет,
Знобка рассветная марь,
Пепел вместо костра, и грязь, не трава,
Вместо солнца — в проулке фонарь.
Никто не идёт и никто не поёт,
Слышен лишь храп из окон.
Люди в кроватях: рано вставать им,
Смотрят свой утренний сон.

Дед бился в ворота, закрытые плотно,
И тщётно в окна кричал.
Но вдруг огонёк к трактиру привлёк:
Старец тихо в косяк постучал.
Трактирщик тут сонный глянул из дома,
Спросил: «Что угодно вам?»
«Песен, огня, и бочонок вина,
Чтоб красным текло по усам!»

«Здесь этого нет, — пройдоха в ответ,
Кинув свой хитрый взгляд. —
Но, коли хотите, внутрь заходите,
За плату служить буду рад».
Серебро тут Дед дал, чтоб щеколду поднял,
Опал, чтоб он в двери пустил.
Хозяин всё строже: раз в двадцать дороже
За стул и камин запросил.

А уж за еду пришлось старику
Корону и плащ отдать.
Овсянки холодной ложкой негодной
Дали взамен похлебать.
Чёрный от сажи горшок старой каши,
Право, не пудинг из слив.
Мир-то земной по сравненью с луной

Издали только красив!
Слишком рано пришёл
Дед за праздничный стол:
Больно уж он тороплив!

8

Каменный тролль

На каменном стуле в пещере пустой
Тролль с чавканьем кости жуёт.
Грызёт их и гложет год целый, быть может,
Ведь мясо само не придёт!
Давай! Глотай!
В горной пещере один он живёт,
А мясо само не придёт.

Пришлёпал тут Том в больших башмаках,
Сказал: «Эй, плати за ту кость, что в руках!
Ведь это мосол от дядюшки Тима,
По праву его ожидает могила.

Помост! Погост!

Уж с год, как у нас не видели Тима,
Я думал, его поглотила могила!»

Тут тролль говорит пареньку: «Погоди!
Я их стащил, значит, кости мои!
Нельзя что ли вволю несчастному троллю
Дохлого дяди мосол помусолить?

Уплесть! Унести!

Можно ж бедняге старому троллю
Бесплатно с погоста кость помусолить?»

А Том: «Ты болтать-то зря прекрати!
Украл наши кости — так живо плати!
Дядин скелет — не бесплатный обед,
Так выкладывай старые кости!

Гони! Верни!

Дядин скелет — не бесплатный обед,
Так выкладывай старые кости!»

Тролль ухмыльнулся и Тому в ответ:
«Я и тебя съем за пару монет,
Могу и задаром сожрать до костей:
Свежее мясо глотать веселей.
Гляди! Беги!
Наскучил мне запах старых костей,
Свежее мясо глотать веселей»

Но только собрался он Тома схватить,
Обед между пальцев утёк.
Увёртливый Том любил пошутить
И дал ему добрый пинок.
Пригнись! Берегись!
Решил по делу башмак применить
И дал ему добрый пинок.

Но мясо и кости покрепче скал
У тролля, что кости в пещере глодал.
Троллиный зад не почуял пинка,

Будто ударили в бок валуна.
Ой-ёй! Ну и вой!
От смеха схватился тролль за бока:
Чтоб пальцы спасти, мало тут башмака.

Еле до дому наш Том дохромал.
Распухла нога — аж башмак не влезал.
А троллю забава вышла на славу,
И кости остались за ним по праву.
Пинок! Не в прок!
Урок преподнёс тролль Тому на славу,
И кости сберёг за собой по праву!

Троль одинокий на камне сидит
И грустную песню поёт:
«Ну почему же всегда я один,
И никто ко мне не придёт?
Всеми покинут я в Дальних Холмах,
О родичах слуху нет
Ни на Заверти, ни на морских берегах,
Уж в памяти стерся их след.

Не пью я пива, и мяса не ем,
И денег не надо мне.
Но в ужасе люд запирает дверь,
Завидев меня в окне.
О, если б поступь вдруг стала легка,
Чтоб всё не крушить за собой!
Но сердцем ведь добр я, улыбка светла,
И повар я неплохой!

Нет! Хватит! Не стану я больше хандрить!
Средь хоббитов друга найду!
Помягче ступая, чтоб не навредить,
Край их весь-весь обойду!»
И этой же ночью отправился он
В своих меховых башмаках,
К утру дошагал до Глубоких Нор,
А там уже все на ногах.

Навстречу ему по проулку идёт
Миссис Пышка с корзинкой в руке
И новенький зонтик важно несёт.
Троль скромненько встал в уголке:
«Привет вам, мадам! И добрый вам день!
Как ваши идут дела?»
Но с визгом старушка метнулась за дверь
От страха едва жива.

А рядом староста Пуфф гулял,
Но только шум услышал —
С испугу малиново-розовый стал
И живо в норку удрал.
Троль огорчился, но, боль затаив,
«Останьтесь!» — пытался сказать.
Да миссис Пышка, про зонтик забыв,
Забилась уже под кровать!

Пошёл троль на рынок,
Но только его овцы в щель углядели,
Как мигом снесли дощатый ларёк,
А гуси на стену взлетели.
Тут фермер Свин кружку пива пролил,

Схватился за нож Билл-мясник,
А пёс его Хват, свирепым хоть слыл,
Удрал, хвост поджав, в тот же миг.
Уселся бедняга у входа во двор,
Заплакав в горькой тоске.
Малыш Прыткий Перри залез на забор
И его потрепал по башке:
«Чего разреvelся, гигантский чурбан?
Внутри-то похуже, чем здесь!», —
И дружеский троллю отвесил удар.
Тот в улыбке расплылся весь.

Воскликнул: «Перри, мой дорогой!
Скорей прыгай на спину мне!
Галопом умчу я тебя, мальчик мой,
На чашку чая к себе!»
Мальчишка взлетает на плечи к нему:
«Поехали! Я готов!»
Пришлось этой ночью у тролля ему
Немало уплесть пирогов.

Там был и бисквит, и воздушный крем.
Но Перри старался умять
И кекс, и сливки, и сливочный джем,
Хоть стала куртка трещать.
Пел котелок, и грел камелёк,
Ужин удался всем.
Перри взялся за отличный чаёк
И чуть не утоп совсем.

Наевшись по горло, спокойно друзья
Смотрели, как уголь горит.
«Хочешь учиться готовить, как я? —
Тролль пареньку говорит. —
Делать печенье, и кремовый торт,
И хлебцы, что тают во рту?
Возьми на ночь плед потеплее, вон тот,
А урок начнём поутру!»

«Эй, Перри, где был ты?» — спросили его.
«На чае! — сказал он в ответ. —
Там кремовый торт был вкуснее всего,
Но и к кексам претензий нет».
«А где угощали-то? В наших краях?
Иль съездил в Пригорье само?»
Но Перри не мальчик в таких делах:
«Сболтнуть вам? Ещё чего!»

«Я знаю! — пронырливый Джек закричал. —
Я знаю отлично, где!
Он к Дальним Холмам вчера ускакал
На строго тролля спине!»
Тут валом в дорогу народ повалил:
В телегах, на пони, пешком,

Туда, где, по слухам, уж долго тролль жил,
Где вьётся дымок над холмом.

В ворота они принялись колотить:
«Пожалуйста, выйди к гостям!
И кремовых тортиков два или три,
А можно и больше, дай нам!»
«Ступайте! Гостей я сегодня не жду!
И их приглашаю я сам!
А торт мой я только для Перри пеку
И только по четвергам!

Толпе такой в домик мой не войти.
Ишь, подняли шум и гам!
Все сласти Перри успел углести,
И их не оставил он вам!
А вас, миссис Пышка, Пуфф, Джек и Свин,
Я видеть совсем не хочу!
Нужен мне только лишь Перри один,
Всех прочих в дверь не пущу!»

Наш Прыткий Перри совсем растолстел
От крема, и торта, и сливок:
Сюртучные пуговицы не у дел,
А шляпа ползёт на затылок.
И каждый четверг он у тролля в гостях
Поварёнка играет роль,
Всё выше становится, шире в костях,
И всё меньше кажется тролль.

Скоро известным он пекарем стал.
От Пригорья до Моря поют,
Что хлеба румяней никто не встречал,
Булок лучше нигде не пекут.
Но кремовый торт, признаёт Перри сам,
Вкуснее того не бывает,
Каким тролль доныне по всем четвергам
К чаю его угощает.

10 Мары

Мар жилище скрывают тени,
Сырые и гуще чернил.
И глухо сипит звонок у их двери,
Когда вас глотает ил.

Да, ил глотает того, кто смел
Нарушить их мёртвый покой,
И жижа, где скалятся морды химер,
Сомкнётся беззвучной волной.

С топких, вонючих речных берегов
Ивы свисают к воде,
Цапли стоят средь больных тростников,
Каркая хрипло во сне.

Сквозь горные стены нелёгок ваш путь
К трясине; деревья там серы и стары.
По краю бучил, где тина и муть,
От луны и от солнца скрываются Мары.

Кельи, в которых Мары сидят,
Глубоки, темны, холодны.
Тусклые свечи там слабо коптят,
Там клады скрывают они.

Стены их мокры, капель с потолка,
И тихи-тихи шаги:
Слышится только лишь «криппи-крип-кра»,
Когда к двери крадутся они.

Дверь приоткроют всего на вершок —
И цепкие пальцы ползут...
Встретивши гостя, в склизкий мешок
Свежие кости кладут.

Сквозь горные стены напрасно бредёте
К трясине, где в тине деревья гниют.
В ржавом болоте маар вы найдёте,
А Мары пищу найдут.

11

Слон

Какмышь, сер мой бок,
И, как дом, я высок.
Нос — как большая змея.
И тяжко вздрагивает земля,
Когда я топчу траву.
Деревья трещат, когда я иду,
Шевеля большими ушами,
Жизнь свою я не мерю годами.
Могучая поступь окрест слышна,
На землю я не ложусь никогда,
Даже когда умру.
СЛОНОМ себя я зову,
Тварей прочих крупнее,
Больше, выше, старше.
Если увидишь меня ты,
Никогда не забудешь меня ты.
Но если не видел меня ты,
Никогда не поверишь в меня ты,
Хоть старым слоном себя я зову
И никогда я не лгу.

Смотрите: вот он, Фаститокалон,
Как остров, зовущий пристать,
Хоть несколько гол он;
Оставим же волны! Давайте на нём танцевать,
На солнце лежать и просто скакать.
Ведь чайки садятся туда!
О, да.
Им не страшна вода.
Они здесь сидят, гуляют, галдят.
Их дело — глупцам намекнуть,
Что можно здесь жить,
Иль просто побыть,
От брызг морских отдохнуть,
Спокойно поспать, кипятка похлебать...
Безумен, приставший к НЕМУ,
И кто костерок, не подумав, разжёт
В надежде на вкусный чаёк.
Пусть шкура, как рог, но жжёт огонёк,
И сон ЕГО не глубок.
Качается он на волне,
С чайками на спине,
Но лишь почует ног топоток
Иль жар, сменивший былой холодок,
С ухмылкой сквозь сон
Ныряет ОН
Проворно брюхом вверх,
Топя в пучине всех,
Невежд поймав врасплох.
Ну и подвох!
Об этом знай и не зевай!
Немало других есть чудищ морских,
Но всех опаснее ОН,
Старый Фаститокалон.
Из древнего рода Больших Черепах
Остался один морякам он на страх.
И если вам жизнь дорога,
Совет мой таков: завет стариков
Не нарушать никогда!
Пусть на неведомый остров
Ваша не ступит нога!
А лучше всего
Не ходить далеко
И дни проводить в веселье
На берегах Средиземья!

13

Кот

Вон тот жирный кот
Спит на диване.
Мышь видит он или же сон
О свежей сметане.
А может, мечта его увела
Свободным и гордым
В край, где мурчат, дерутся, рычат
Похожие морды,
Ловки и дики, стройны и хитры.
Или в берлогу:
Люди с докучной заботой туда
Проникнуть не могут.
Сильные львы огромны, страшны:
Кровавая пасть,
Лапы проворны и когти остры,
Песочная масть,
Пристальный взгляд и поджарый зад,
Уши торчком.
Корм им не нужен — догонят ужин
Одним прыжком
Ночью в глуши, в тревожной тиши...
Они далеко.
Очень давно за молоко
Воля навек отдана.
Но тот жирный кот,
Хоть в холе живёт,
Её не забыл. Вот.

14

Невеста-тень

Был некто, и жил он совсем один,
А время текло, как сон.
Недвижим и нем сидел господин,
И тень не отбрасывал он.
Под звёздами лета, под зимней луной
Совы кружили в тиши
И чистили клювы, любясь собой,
На том, кого камнем сочли.

Но в сумерках серых пришла госпожа
В сером просторном плаще,
И встала пред ним, и стояла, дрожа,
С цветами в пышной косе.
Тут чары сломал он, вскочил и сжал
Деву, и так затих.
А плащ раздулся, темнее стал
И тенью окутал их.

С тех самых пор позабыла она
И лунный, и солнечный свет,
Вглубь от мира ушла навсегда,
Ни дня и ни ночи там нет.
Но раз в год, когда открывает земля
Тайны провалов своих,
До рассвета танцуют он и она,
И тень их одна на двоих.

15

Зов моря

У моря я шёл и в прибое нашёл,
Как звезду на мокром песке,
Белый рапан, что морем шуршал,
Трепеща в моей мокрой руке.
Его я качал и гул пробуждал
В его глубине. И печальный
Буй плясал на волне, и зов в тишине
По волнам шёл, слабый и дальний.

И лодка плыла, пуста и сера,
В приливе несла её ночь.
«Ждать больше нельзя!
Уйти нам пора!»
Я крикнул: «Неси меня прочь!»

Средь водной пыли в туманной дали
Неслась она, словно во сне,
На берег забытый, пучиною скрытый,
К тёмной чужой стороне.
И мокрый рапан на зыби плясал
И звал, и звал в никуда.
На тайных клыках в прибое волнах
Ревела, кипела вода.

Пески мерцали, и сетью сияли
Звёзды в пучине морской,
А скалы стояли и влажно сверкали
Пеной под бледной луной.
Прибрежный песок сквозь руку потёк
Пылью бесценных камней:
Цветенье коралла и звуки опала
И песнь аметиста в ней.
Но мрачно зиял под крышею скал
Провал пещеры грозящий.
Сквозняк подувал, паутину качал
И гнал в темноте меня дальше.

С холма ручеёк по зелени тёк,
И свежей была вода.
Вдоль русла в стене к прекрасной стране
Ушёл я от моря тогда.
Там вечер вечный, и, словно свечи,
Горят цветы по лугам,
И тени порхают, озёра вздыхают,
По низким их берегам
Осинки трепещут, и ярко блещут
Кувшинки в холодной воде,
И ивы свисают, и травы сбегают
К томной уснувшей реке.
У брода рядами листвою-мечами
Ирисы стражу несут.

Колебля лес пик, камыши и тростник
Тихо беседу ведут.

И весь долгий вечер летело навстречу
Дальнее пенье ко мне.
Крольчата скакали, меж норок играли,
Снегом белея в траве.
Крались барсуки, вились мотыльки,
Сновали туда и сюда...
А музыка пела, в долине звенела:
Там пляска весёлая шла.
Но куда б я ни шёл, никого не нашёл.
Одно и то же всегда:
Сиплый рожок — и ног топоток,
Звуки бегства — и тишина.

Из трав речных и трав луговых
Мантию сплёл я тогда,
Жезл взял с собой и флаг золотой,
Как звёзды сверкали глаза.
Увенчан цветами, я встал на кургане
И громко и грозно воззвал:
«Зачем вы молчите? Зачем вы бежите,
Куда бы я ни шагал?
Я здесь король! И край этот мой!
И ирисный меч в руке!
Эй, появись! Ну, покажитесь!
Иль хоть ответьте мне!»

Тут туча пришла, плотна и грозна,
И в черноте я пополз,
Как крот слепой, с согбенной спиной,
То руки в землю, то нос.
Корявый ствол во мраке нашёл:
Сучья голы, мертва листва.
У старых корней на год и на день
Остаться пришлось мне тогда
Под уханье сов в сплетении снов.
Трухой шелестели жуки,
Здесь ветви висели и смутно темнели
У ног моих дождевики.

Но вечной мглы нет; забрезжил рассвет —
И стала видна седина.
«Я должен идти и море найти,
Хоть дорога мне не ясна!
Я очень стар, себя потерял,
Позвольте продолжить путь!»
Ветер рыдал, лохмотья срывал,
И тьма нагоняла жуть.
Руки дрожали, ноги устали,
И старость гнула к земле.
Дождь бил в лицо. Вдруг запах его
Принёс весть о море мне.

Птицы стонали и причитали,
И шёпот шёл из пещер.
Тюлени урчали, волны рычали,
И брызгами лёд летел.
Пахло зимой. Туман пеленой
Окутал годы мои.
Снег выпал бледный; на берег последний
Сумерки тихо легли.

Здесь лодка ждала, качалась она
В приливе, кивая кормой.
Лёг я на дно, и сразу легко
Ушла она вдаль со мной.
По волнам плыла и встречала она
Мёртвые корабли.
Большие суда шли мимо всегда,
Молча теряясь в ночи.

Окна закрыты, и двери забиты,
Дорога пуста предо мной...
Встретил лишь дождь...
Я выбросил прочь
Всё, что унёс с собой:
Горстку песка и белый рапан,
Мёртвый теперь и немой.
Он умолк навсегда. Не видать никогда
Мне берег земли дальней той.

С тех пор я брожу, как нищий, кружу
По тропам в своей стороне,
Под нос бормоча, ибо молчат
Те, кто встречаются мне.

Фириэль проснулась, к окну подошла,
Смотрит в серый и хмурый рассвет.
Резок и звонок крик петуха,
Смутны тени и смутен свет.
Тёмной стеною деревья стоят,
Но листва их ещё не видна.
Ветер холоден, кроны едва шелестят,
Щебет птиц, а за ним тишина.

Недвижна дева, как образ в окне.
Но вот длинный луч побежал
С верхушек древесных к росистой траве
И искрами в ней засверкал.
Скользнули тут стройные ноги к дверям,
Мелькнули по лестнице вниз,
Летащей походкой по мокрым лугам
Ступали среди радужных брызг.

Камнями горел девичий убор,
Когда та спустилась к реке
И стала у ивы, направив взор
На рябь в бегущей воде.
С ветки сорвался синий удод,
Нырнул и вспорхнул опять.
Кувшинки неспешно вели хоровод,
Тростник стал о чём-то шептать.

Вздыхали пряди волос на плечах,
И в утреннем свете мерцало
Её отраженье в дрожащих струях...
Вдруг пенье вдали зазвучало.
Тихим эхом светлый хрустальный звон
И хор голосов молодых,
Флейты звуки и рокот струн,
Печальный, прозрачный мотив.

Корабль показался на глади речной,
Высокий нос золотился,
Лебеди плыли пред ним чередой,
Сзади след пенный вился.
Эльфы вёсла держали в руках,
Плащи серебристо серели,
И трое меж них в королевских венцах,
Их кудри по ветру летели.

Играли на арфах и пели они,
А вёсла падали в такт:
«Край наш зелёный в душистой тени,
Где птицы весной гомонят!
Пусть золотая взойдёт заря
И в ясный день перейдёт!

Прежде чем хлебом одарит земля,
Немало цветов расцветёт!»

«Куда вы идёте, Прекрасный Народ?
Несёт вас речная гладь
В сумерки леса, средь тайных чащоб
Иную обитель создать?
Иль к островам в холодных морях,
Чьи камни гложет прибой,
Жить одиноко на тех берегах,
Где лишь чайки кричат над волной?»

«Нет, о, дева! — ответили ей. —
Путь ведёт нас последний
Прочь от ваших грозных морей,
От западных гаваней бледных.
Уходим навеки в родные края
Под Белого Дерева сень.
Над берегом, пеной омытом, крыла
Простёрла там звёздная тень.

Оставив смертным землю разлук,
Средиземье мы покидаем.
Над родиной эльфов плывёт чистый звук,
Там колокол с башни вещает.
Здесь вянет трава, облетает листва,
Луна и солнце хиреют.
К нам зов несётся издалика
И манит нас силой своею.

Не он ли на берег привлёк тебя?»
Тут замерли вёсла гребцов.
«Пришедшей наша открыта стезя.
Оставь же землю отцов!
Здесь дни твои быстро к концу прибегут,
Лишь это тебе суждено.
Взойди на корабль! Владыки зовут,
И есть ещё место одно!»

Но только дева успела шагнуть,
Ноги в мокрую глину ушли.
Стоит Фириэль. Преградила ей путь
Цепкая хватка земли.
Течением мимо проносит корабль,
И девушка шепчет им вслед:
« Я смертная, этой земли я дитя,
И её не покину, о, нет!»

Вернулась она лугами домой
И платье с камнями сняла.
В тёмной одежде с тугою косой
Взялась за дневные дела.
Вечер пришёл и угас, как всегда,
За морем солнечный свет.

Но больше из дома теней никогда
Не звал Фириэль рассвет.

Время неспешной скользит чередой,
Год за годом, за веком век.
По-прежнему солнце идёт за луной
В долинах семи быстрых рек.
И шепчет тростник, и деревья в листва,
Опав, зеленеет опять.
Но эльфы ушли совсем, навсегда,
И песням их здесь не звучать.